

Эльзина пострадала отъ этого презрѣнія. Ея воспріимчивая душа, ея живой умъ особенно сильно давали чувствовать всю боль раны, и она сознавала, что она навсегда разлучена съ кузеномъ. Но эти душевныя муки только усилили ея любовь къ Перале.

Два мѣсяца прошло съ тѣхъ поръ, какъ пріѣхалъ Жакъ, впродолженіи которыхъ они пользовались полнѣйшей свободой, и вмѣстѣ съ тѣмъ между ними никогда не было произнесено слова о любви. Затѣмъ Жакъ сталъ собираться обратно въ Европу, и по мѣрѣ того какъ приближался

...Онъ пришелъ прощаться съ нею; она не могла уже больше сдерживаться, бросилась ему на шею и сказала:

— Останься, или увези меня!

Перале былъ пораженъ. Презирая ея смѣшанное происхожденіе, онъ совершенно упустилъ изъ виду, что его кузина тоже способна испытывать какое-либо чувство.

Тѣмъ не менѣе она любила его и говорила ему это съ прелестной невинностью ребенка, какимъ она и была въ глубинѣ души.

Илья Ефимовичъ Рѣпинъ, знаменитый художникъ, гостившій въ Одессѣ передъ отъѣздомъ въ Далестину.

Съ фотограф. снимка г. Вѣлоцерковскаго (фот. Чеховскаго).

Автоминія „Одес. Нов.“

ся день отъѣзда, глубокая складка ложилась поперекъ лба.

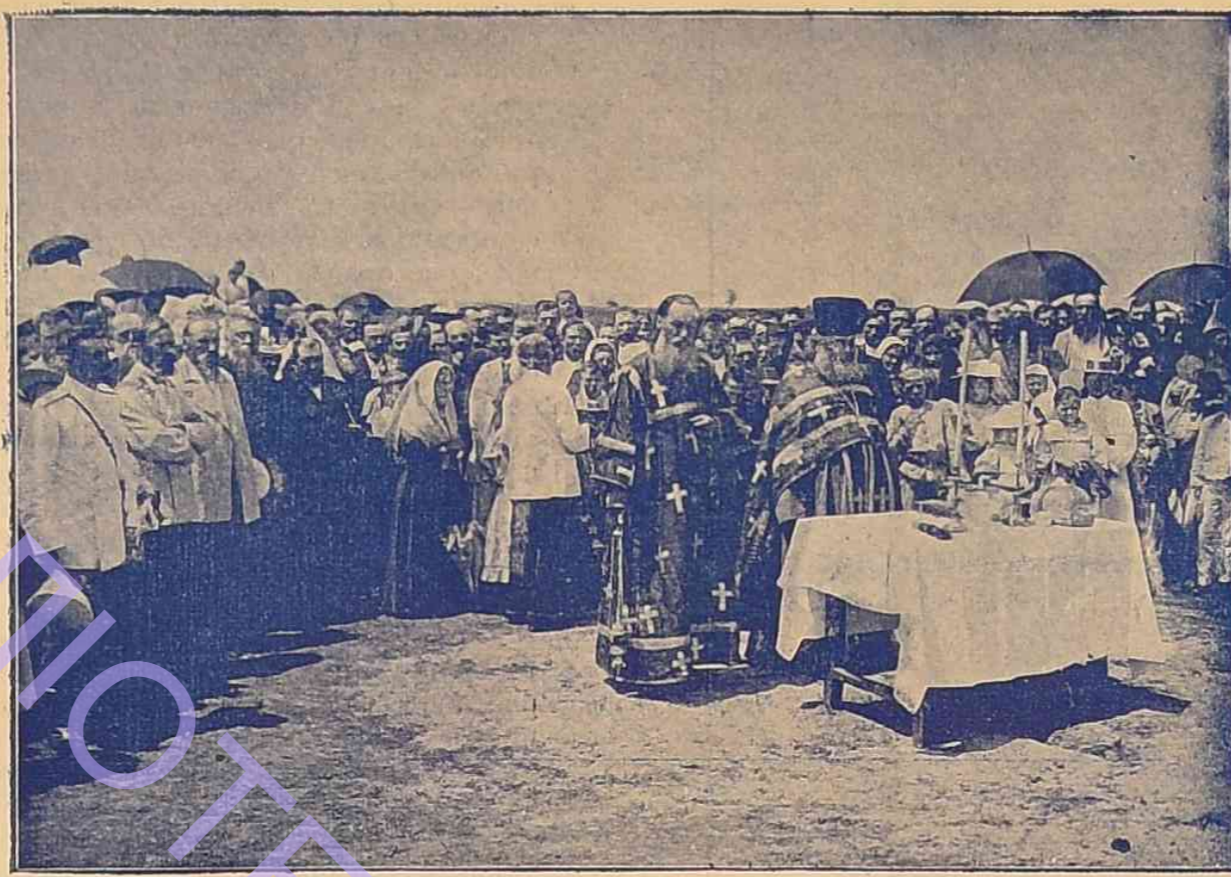
Забота о существованіи, видимо, тяготила его.

Эльзина была въ страшномъ смятеніи и боялась выдать тайну своего сердца. Она призвала на помощь все свое благоразуміе, знала, что уронить свое женское достоинство, если заговорить первалъ о своихъ чувствахъ. Но она знала также слабость своего характера и страшилась мысли, что не выдержитъ непосильной борьбы.

Мысли молодого человѣка приняли другой оборотъ. Онъ подумалъ о своемъ непрочному существованіи, о своей роскоши, стоившей ему такихъ усилій. Ему опротивѣла эта безпокойная жизнь, полная волненій и труда. Эльзина была наследницей огромнаго состоянія, и онъ рѣшилъ жениться на ней. Черезъ нѣсколько недѣль она носила уже его имя.

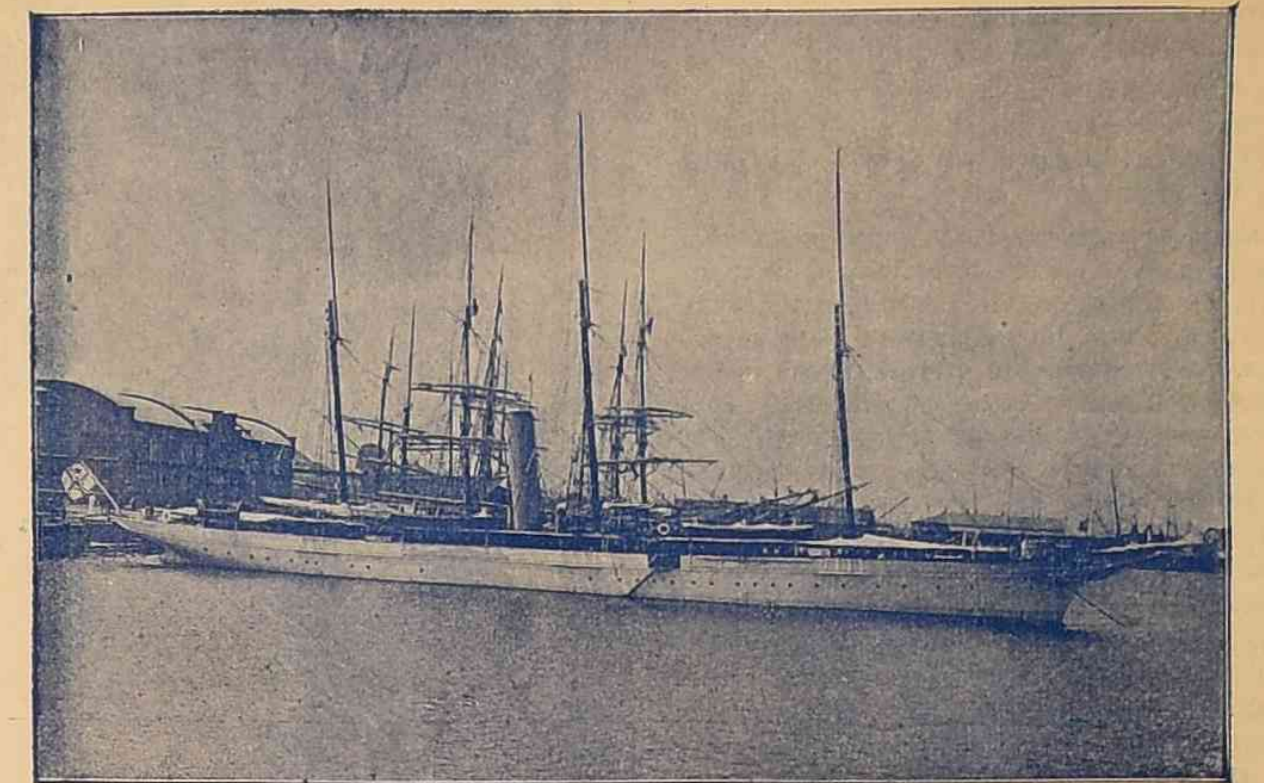
III.

Первые мѣсяцы послѣ брака показались Эльзинѣ какимъ-то волшебнымъ сномъ. Мужъ, ка-

Молебствіе.

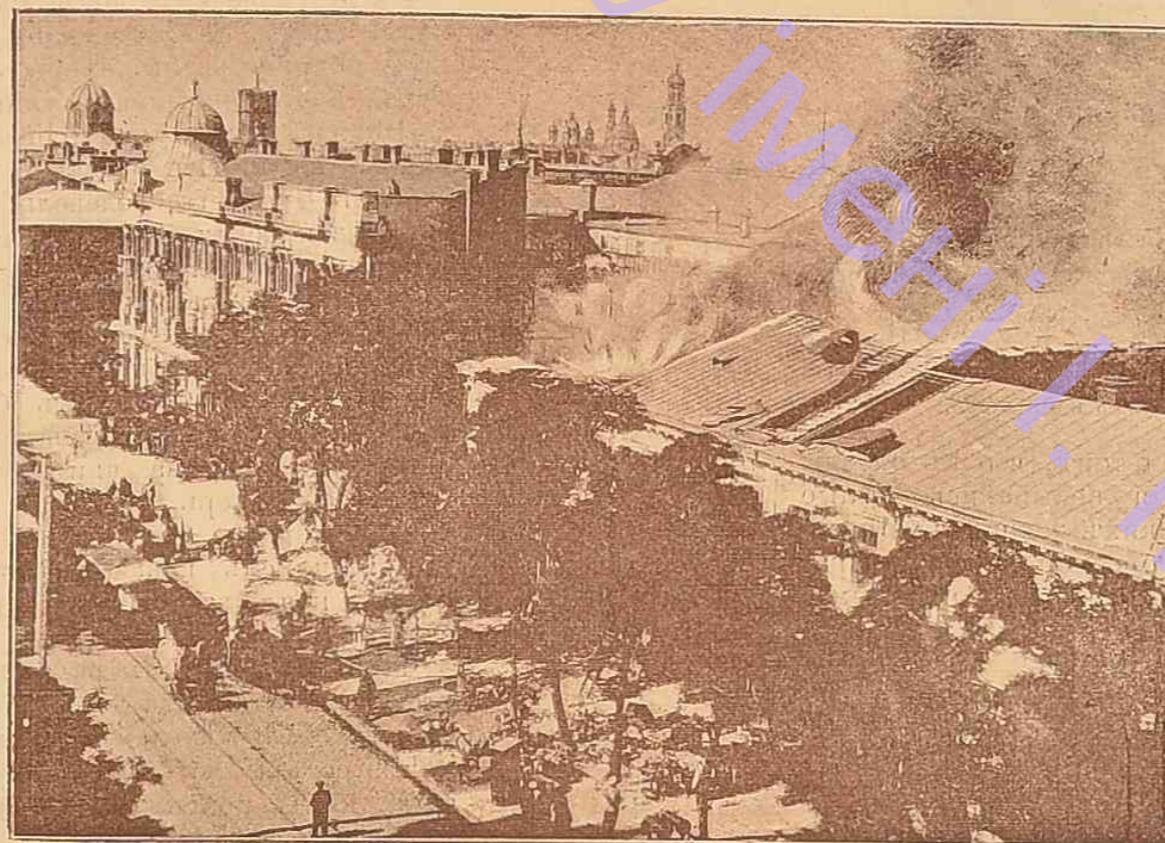
ОДЕССА. — Закладка здания народной аудиторіи на Слободкѣ-Романовкѣ.

Германскій стаціонеръ въ Константинополѣ „Дорелей“, посѣдившій Одесскій портъ.

Съ фотограф. снимковъ г. Наака.

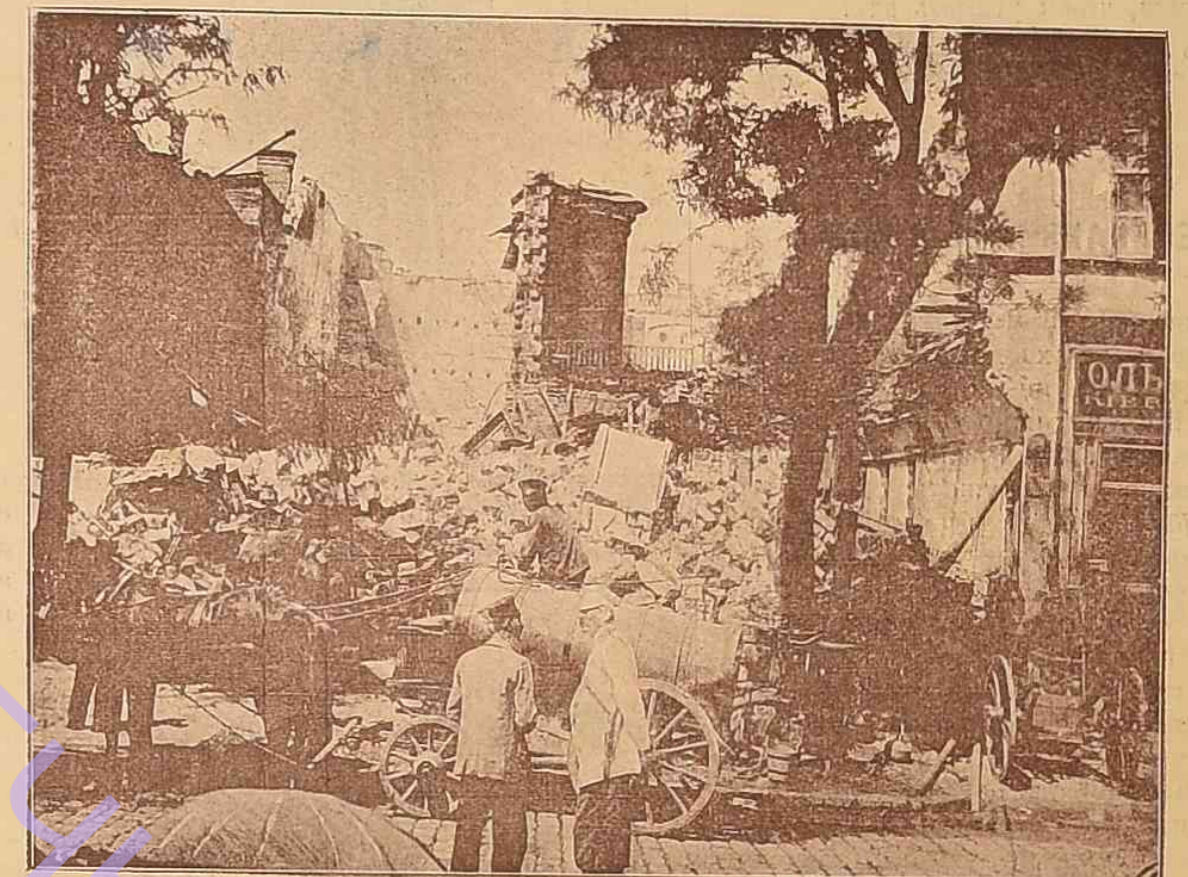
Автоминія „Одес. Нов.“

ОДЕССА. — Пожаръ на Рипельевской улицѣ въ ночь на 16 іюня 1898 г.

Съ фотограф. снимковъ г. Наака.

Автоминія „Одес. Нов.“

залось, любилъ ее, и въ самомъ дѣлѣ Перале, будучи признательнымъ женѣ за доставленныя удобства и комфортъ, самъ воображалъ, что любитъ ее. Но мало по малу чувствительности складывалось въ немъ, и онъ начиналъ жалѣть о супружествѣ, которое унижало его въ его собственныхъ глазахъ.

Съ этихъ поръ все на островѣ возбуждало въ немъ отвращеніе. Придумывая средство избавиться отъ одолевшей его скуки, онъ порѣшилъ вернуться въ Европу.

Эльзина не выразила никакого сопротивленія; желаніе ея мужа были для нея святы. Она, казалось, была рада видѣть Парижъ, гдѣ думалъ поселиться Жакъ. Но ея родители были въ отчаяніи. До этого дня они отстраняли все ужасы и соблазны большихъ городовъ отъ своей обожаемой дочери, и теперь мысль, что они не въ силахъ будутъ защищать ее отъ какихъ-либо несчастій, огорчала ихъ несказанно. Ихъ слезы, ихъ мольбы были тщетны. Жакъ хотѣлъ ѣхать, Эльзина слѣдовала за нимъ.

Чтобы совершенно согласоваться съ желаніями мужа, молодая женщина рѣшила не везти съ собою никакой прислуги своей расы, даже своей молочной сестры, дочери мулатки, давшей ей частичку своей жизни.

— О, госпожа, восклицала послѣдняя, бросаешь къ ногамъ Эльзины, узнавши о ея непоколебимомъ рѣшеніи, — я вижу черныя тучи, собирающіяся надъ твоей головой, и я вижу, что ты прольешь много слезъ. Возьми меня, я буду утирять твои слезы, чтобы не видѣть ихъ! Дурашка! не оставишь наединѣ съ твоимъ горемъ!...

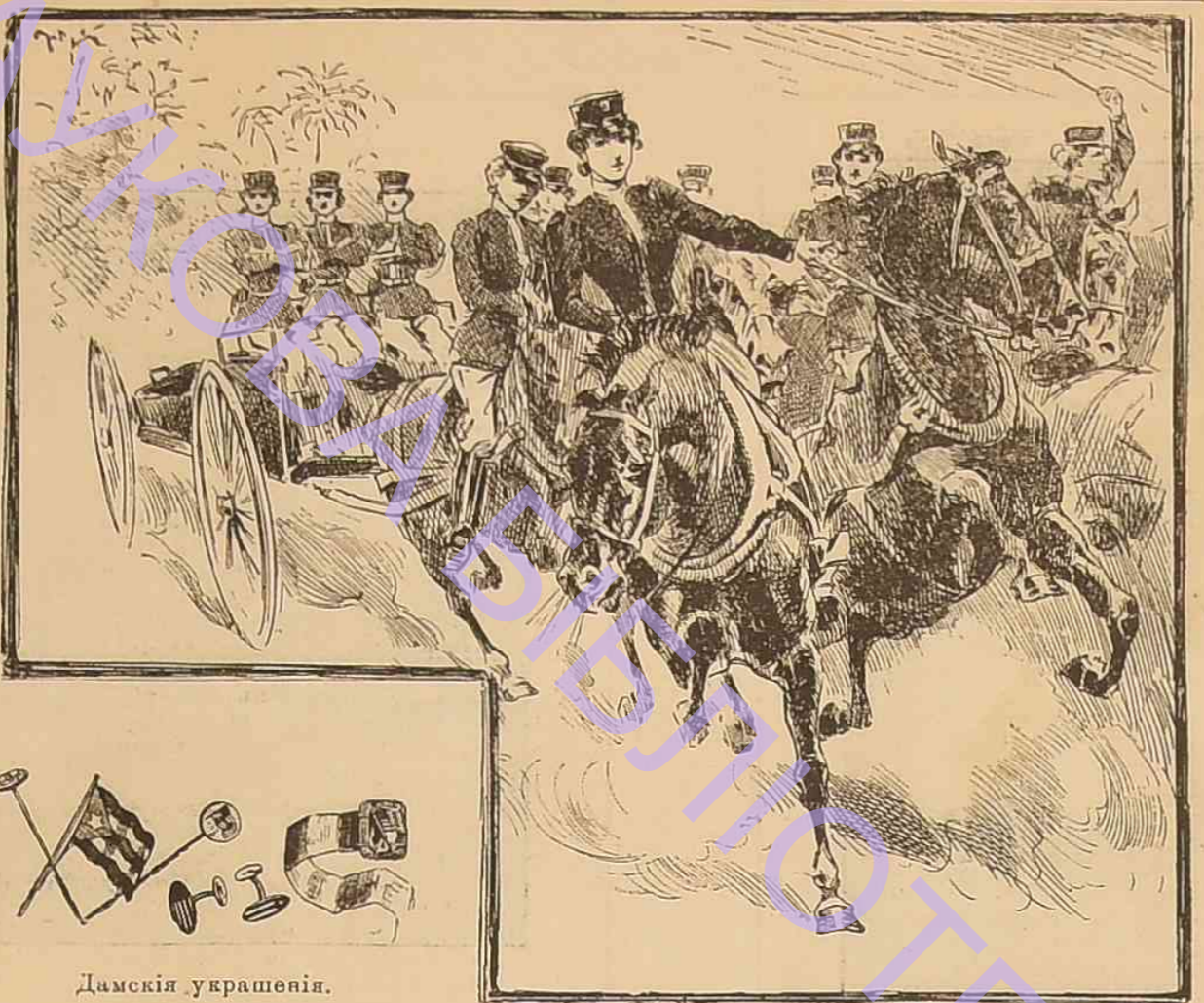
Эльзина затрепетала. Эти слова отвѣчали ея заветнымъ мыслямъ. Она уже боялась, что Жакъ не дастъ ей счастья. Но предпочиталъ, чтобы ни родни, никто изъ знакомыхъ не узналъ бы о ея несчастіи, она граціознымъ движеніемъ подняла съ колысь свою молочную сестру и, цѣлуя ее, сказала ей, указывая на родителей:

— Останься, чтобы утѣшить ихъ!

(Продолженіе слѣдуетъ).

АМЕРИКАНКИ НА ВОЙНѢ.

По привычкѣ принимать участіе во всѣхъ общественныхъ движеніяхъ, американскія женщины не могли остаться въ сторонѣ отъ происходящей теперь испано-американской войны. Различными путями онѣ стремились обнаружить свой патриотическій пылъ. Однѣ изъ нихъ принимаютъ непосредственное участіе въ войнѣ, беря на себя даже командованіе войсками или судами; другія отправляются на театръ военныхъ дѣйствій корреспондентками газетъ; третьи вносятъ свою лептку деньгами на усиленіе военныхъ средствъ страны и т. д. Губернаторъ штата Тенесси, генераль Гейлоръ, назначилъ лейтенантшей миссъ Эли и поручилъ ей командованіе полкомъ. Миссъ Виттингтонъ произведена въ капитанши, и ей поручено командованіе третьимъ полкомъ добровольцевъ штата Арканзаса. Обѣ эти женщины принадлежатъ къ высшему американскому обществу. Но американскія женщины, не смущаясь знатностью происхожденія, поступаютъ даже въ ряды простыхъ

Дамскія украшенія.

матросовъ и солдатъ. Миссъ С. Клэръ зачислилась въ команду какого-то судна, а Гильда Клэркъ поступила въ простые

книжъ, поступившей въ ряды военныхъ корреспондентокъ, она рѣшила принять непосредственное участіе въ войнѣ. Не-

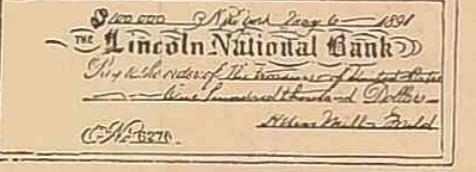

Истинная патриотка.

рядовые пятаго пѣхотнаго полка. Репортеру газеты „Journal“ она заявила, что, воодушевленная примѣромъ миссъ Ват-

Бракъ въ лагерѣ.

Миссъ Гульдъ и ея чекъ.

чего говорить уже о томъ, что въ отряды сестеръ милосердія посылались дѣлать легіоны американскихъ жевшицъ. Многія актрисы временно бросили сцену и отправились на войну ухаживать за ранеными,

Подполковница Эли и капитанша миссъ Виттингтонъ.

II.

Онъ жилъ въ Парижѣ уже два долгихъ мѣсяца и послѣ кажущагося развлеченія, сопряженнаго съ переѣздомъ, по-ндоревіемъ на новомъ мѣстѣ, новой службой — съ всепогумомъ замѣнилъ, что начинать въ новой обстановкѣ ту-же самую прежнюю угрюмую жизнь. Жить въ Парижѣ, столицѣ удовольствій, значило для него — спать въ меблированной комнатѣ сомнительной чистоты, обѣдать въ дешевомъ ресторанѣ, проводить въ министерствѣ два раза въ день по четыре часа. Тишина водворилась сама собою вокругъ его невзрачной особы. Онъ не слышалъ больше пересудовъ о Жюльеттѣ и поручикѣ. Никто не показывалъ на него пальцемъ. Никто не звалъ его. Онъ сдѣлался прежнимъ Филиппомъ Люкасомъ, ссылающимъ въдобавокъ ничтожество своей жизни, открытое ему постъ-скриптумомъ жены.

Такъ прошло около полугода. Однажды товарищъ, писавшій водевили для кафешантановъ, предложилъ ему билетъ на первое представленіе одной его пьесы. Филиппъ привялъ билетъ, но безъ всякаго восторга. Вечеромъ, сидя на своемъ стулѣ въ партерѣ, онъ самъ не начиналъ аплодисментовъ, но каждый разъ добровольно поддерживалъ аплодисменты кланки. Въ то время какъ онъ аплодировалъ сценѣ, комизмъ которой состоялъ въ томъ, что всѣ актеры вахлужили на головы китайскія вазы, украшавшія гостиную, руки у него вдругъ опустились отъ изумленія. Въ двадцати шагахъ отъ него Жюльетта, хорошенькая, нарядная, сама аплодировала всей силой своихъ маленькихъ ручекъ, затаянутыхъ въ перчатки. Въ ложѣ съ ней сидѣла другая дама, постарше, вся покрытая бриллиантами, и нѣсколько джентльменовъ во фракахъ.

Въ этотъ вечеръ, когда Филиппъ вернулся домой, онъ уже звалъ, что его бывшую подругу звали теперь Лили де-Нэбуръ, и что она жила въ улицѣ Альфонсъ де-Невилъ. Онъ душно провелъ ночь, волнуемый желаніемъ узнать о ней еще кое что. Его коллега, водевильщикъ, которого онъ расспросилъ, какъ только встрѣтилъ, отвѣчалъ безъ запинки:

— Лили де-Нэбуръ? Вновь пріѣзжая... Очень хороша... Очень умна... Молодая дѣвушка изъ хорошей семьи. Ее увезъ одинъ офицеръ и потомъ бросилъ. Послѣ она была подругой маленькаго Сенъ-Мейрава, того, на чьи пьесы всѣ сбѣгаются. А теперь...

— Теперь? Водевильщикъ показалъ рукой, что теперь у нея ихъ такая толпа, что и не счесть.

Филиппъ ощутилъ радость при мысли, что Жюльетта была такъ скоро брошена своимъ обольстителемъ. „Вѣдная дѣвушка!“ пробормоталъ онъ лицемѣрно. «А все таки, какая подвижная жизнь. Теперь-то, надѣюсь, ей не скучно!» Онъ рѣшилъ развѣдать всѣ подробности этой жизни, когда-то слитой съ его жизнью, а потомъ рѣзко оторвавшейся отъ него и сдѣлавшейся трепожной и порывистой. Онъ повелъ свое слѣдствіе съ настойчивостью и молчаливостью робкихъ людей. Онъ легко узналъ все, что хотѣлъ узнать, такъ

какъ завязалъ знакомство съ поваромъ молодой женщины. Жюльетта не сознавалась въ своемъ прошломъ. Исторія, рассказанная водевиллистомъ, была та самая, которую рассказывала про себя и она. Молодая дѣвушка хорошей семьи, обольщенная офицеромъ. Домъ ея былъ поставленъ на большую ногу молодымъ Сенъ-Мейраномъ. Теперь-же, несмотря на нѣкоторыя затрудненія, можно было светить концы съ концами. Къ тому-же были обширныя надежды: одинъ бельгийскій финансистъ очень ухаживалъ за ней...

— Барыня многимъ правится, — заключилъ поваръ убѣжденнымъ тономъ. Филиппъ ни на одну минуту не подумалъ возобновить сношенія со своей женой или хотя-бы появиться передъ ней. Онъ былъ благодаренъ ей за то, что она не открыла своего имени и происхожденія участникамъ и свидѣтелямъ ея легкой жизни.

Онъ думалъ: „я одинъ знаю истину. Я одинъ знаю, кто такая въ дѣйствительности Лили де-Нэбуръ. Еслибы я захотѣлъ, жандармы сегодня-же вечеромъ привели-бы Лили де-Нэбуръ въ мою комнату“. Эта мысль забавляла его въ часы службы...

Онъ собрался, какъ только занятія позволятъ, подкараулить Лили въ Булонскомъ лѣсу, гдѣ, какъ увѣрялъ его пріятель поваръ, барыня часто каталась около шести часовъ...

Онъ сказалъ коллегѣ и водевиллисту съ любовнымъ, необычнымъ видомъ:

— Когда у васъ будутъ билеты въ театръ, особенно на первыя представленія, вспомните, что у меня ладони здоровыя.

Въ канцеляріи всѣ удивились, что онъ сталъ разговорчивъ и оживленъ. Онъ больше не скучалъ.

Ему никогда больше не пришлось скучать.

Неспособный устроить свою жизнь по собственному желанію, избравъ какой-нибудь способъ дѣйствія, не навязанный или не внушенный ему извнѣ, онъ увлекся теперь почти до страсти тѣмъ, что смотрѣлъ на жизнь своей бывшей подруги, теперь совершенно чуждой ему. Оставаясь въ тѣни и слѣдя оттуда за блестящимъ ходомъ ея успѣховъ, онъ познакомился со всѣми удовольствіями, со всѣми правдствами Парижа. Онъ съ жадностью читалъ бульварныя газетны, гдѣ рассказывается скандальная хроника, онъ сдѣлался однимъ изъ безчисленныхъ парижскихъ буржуа, веселящихся всю жизнь только весельемъ другихъ. Онъ узналъ и пустилъ въ ходъ всѣ хитрости и уловки, чтобы достать билетъ въ спектакль, на картинную выставку, въ казино; каждый годъ онъ проводилъ мѣсяца два на тѣхъ водахъ или морскихъ купальняхъ, гдѣ цвѣла Лили. Не была ли въ этомъ упорномъ таинственномъ пресѣдованіи невѣрной своего рода смутная любовь? Нужна была особая провинциальность, чтобы объ этомъ догадаться, а Люкасъ не анализировалъ такъ тонко свою манію. Онъ лишь наслаждался ею съ острымъ увлеченіемъ, близкимъ къ помѣшательству; онъ не звалъ ни усталости, ни покоя. Если никакое неожиданное событіе не перевернетъ жизни Лили де-Нэбуръ, онъ оста-

нется тѣмъ-же незамѣтнымъ, таинственнымъ наблюдателемъ своей жены.

Онъ никому не открылъ своей тайны. Развѣ иногда, стоя на троттуарѣ съ какимъ-нибудь знакомымъ и увидѣвъ проносающую мимо карету Лили, онъ позавидуетъ кое-какими разговорами о ней. Расскажетъ, гдѣ она живетъ, сколько ей лѣтъ, сколько приближительно у ней состоянія. Иногда опредѣлитъ характеръ. Если знакомый, удивившись, спроситъ у него, откуда ему все это повѣстно, онъ отвѣчаетъ съ лукавой улыбкой: — Я зналъ когда-то ее... очень близко.

ЭЛЬЗИНА.

(Съ французскаго).

Эльзина родилась отъ мулата и европейки. Но происхожденіе ея выдавалось только лишь особеннымъ очертаніемъ ея ногтей, составляющимъ отличительную черту уроженцевъ Испаніи и Соединенныхъ Штатовъ. При взглядѣ же на нее, въ ней нельзя было заподозрить смѣси расы и присутствія кавказскаго крови.

Отъ отца она унаслѣдовала темныя дѣвьи кудри, курчавые волосы, тонкое, стройное гибкое, какъ лапа, тѣло, какъ у большинства женщинъ экваторіальныхъ странъ, гдѣ флора произрастаетъ ползучими, эмбевидными растеніями, извилинами вокругъ старыхъ деревьевъ и сжимающими ихъ вѣтви точно чудовищными лапами.

Эльзина обладала всѣми прелестями и всѣми недостатками примитивной расы. Необычная глубокость, пропорціональность формъ напоминали розу, качающуюся на тонкомъ стеблѣ. За то походка ея была въ высшей степени небрежна, хотя и не безъ нѣкоторой доли граціи. Ея черные глаза имѣли осмысленное выраженіе — достоинствіе высшихъ расъ. Черты ея имѣли нѣсколько страдальческаго выраженіе, какое мы видимъ у жалкихъ дѣтей провинціальнаго городка. Этимъ видомъ своимъ она напоминала отчасти жителей старой Европы. Почти красавица, она любила окружать себя матеріями яркаго тонова, драпироваться разноцвѣтными шарфами, которые въ цѣломъ составляли чудную гармонію и дѣлали ее еще привлекательнѣе, не смотря на нестройную красоту.

Кажется, довольство придаетъ человѣку еще больше живнерадостности. Эльзина, обожаемая дочь, жила счастливо въ домѣ своего отца, окруженная толпою слугъ, готовыхъ ежеминутно исполнить прихоть своей повелительницы.

Молодой дѣвущкѣ шель шестнадцатый годъ, и она была въ полномъ расцвѣтѣ своей фанной красоты, когда впервые увидѣла своего родственника Жака Перале. Это былъ двоюродный братъ ея матери, молодой человѣкъ, жившій въ Европѣ большимъ баринномъ, не смотря на свое проблематическое состояніе.

Жаку было двадцать пять лѣтъ. Лицо у него было довольно пріятное, съ матовымъ отблѣнкомъ. Тонкіе усы обрамляли красиво очерченный ротъ. Выразительные глаза обращали на себя вниманіе женщинъ. Эльзина съ перваго же раза была побѣждена взглядомъ и манерами Перале.

Молодой человѣкъ отнесся къ родственницѣ довольно таки безразлично.

Молодая дѣвушка не ошибалась во впечатлѣніи, которое она произвела на кузена. Она понимала, что онъ смотрѣлъ на нее, какъ на существо, которому можно протезировать или сожалѣть, по которое совершенно не достойно любви, а тѣмъ паче уваженія.

Но часто огонь бывал потушенъ, и Канитуція ложилась спать еще совсѣмъ мокрая. Въ этомъ ноябрѣ въ Вентороліи пронесся слухъ, что Марія „рыжая“ умерла въ Капуѣ отъ тифа, и священникъ, послѣ обѣдни, говорилъ о ней въ проповѣди, чѣмъ заставилъ покраснѣть Кончетту Пальмезе и Nicolettu Morra, у которыхъ совѣсть не совсѣмъ была чиста. Канитуція объявила о смерти, но она ничего не поняла и, какъ дурочка, выслушала это извѣстіе. Въ этомъ мѣсяцѣ Чикотто сталъ такой жирный и толстый, что его нельзя ужъ было водить далеко на пастбище: онъ прохаживался тихонько и важно. Напрасно Канитуція звала его; у него не было больше силы.

Однажды вечеромъ, въ декабрѣ мѣсяцѣ, вернувшись отъ фонтана, она застала донъ-Оттавіано, священника, Николу Пассаретти и Кременцо, которые оживленно разговаривали; они вторымъ отправились навѣстить Чикотто потому что опять принялись разсуждать. Она ничего не поняла. Но на слѣдующій день, вечеромъ, явился Сабатини, мясникъ, и къ Терезѣ присоединилась Розарія, служанка Гаспаре Росси. Во дворѣ и въ кухнѣ царило необыкновенное оживленіе: надъ очагомъ висѣлъ большой котелъ на огоньномъ огнѣ; выставлены были всѣ большія блюда, всѣ лохани, всѣ ведра; въ углу стояли вѣсы, на столѣ лежали большіе и маленькіе ножи и воронки. Паскуалина, Тереза, Розарія суетились съ повернутыми юбками и въ бѣлыхъ передникахъ. Сабатини носился съ дѣловымъ видомъ. Канитуція смотрѣла на все это и ничего не понимала.

Наконецъ она вполголоса спросила у Терезы: „Что это мы нынче будемъ дѣлать?“—Настало Рождество, Каниту. Сейчасъ мы зарѣзываемъ Чикотто“. Тогда Канитуція, покачиваясь слегка, вышла во дворъ и забилась въ уголъ, чтобы смотрѣть оттуда, какъ будутъ убивать Чикотто. Она видѣла при блуждающемъ огнѣ, что его вытащили во дворъ, что Никола Пассаретти и Кременцо держали его. Она слышала отчаянное хрюканье Чикотто, который не хотѣлъ умирать; она видѣла ножъ Сабатини, который проткнулъ ему горло. Видѣла, какъ ему отрѣзали голову аккуратно вокругъ шеи и положили ее на блюдо, покрытое свѣжимъ лавровымъ листомъ. Потомъ она видѣла, какъ разрубилъ ему тѣло на двѣ части и свѣсилъ на вѣсахъ. Она слышала крикъ радости по поводу его вѣса: 1 контаіо и 60 ротоли. Она осталась въ темномъ углу, во дворѣ, въ эту холодную декабрьскую ночь. Ее позвали въ кухню. Тамъ Розарія и Тереза выжимали сквозь воронки мясо сосисокъ. Сабатини и Кременцо возились съ окороками и съ кусками сала, въ то время какъ Никола приглядывала за бѣлыми ломтиками свиного сала, которое растоплялось въ котлѣ. Паскуалина на уголкѣ очага поджаривала кровь на сковородкѣ. Разогрѣтые огнемъ и работой, всѣ болтали оживленно, весело, подъ радостнымъ впечатлѣніемъ этого мяса, этого сала, этого довольства. Канитуція остановилась на порогѣ, смотрѣла и не входила. Тогда Паскуалина вспомнила, что дѣвочка не

шла цѣлый день, и что теперь былъ праздникъ, взяла кусокъ чернаго хлѣба, обмокнула его въ поджаренную кровь и сказала Канитуціи: „Вѣшь“, но Канитуція, которая умирала съ голоду, отрицательно покачала головой.

ИЗЪ-ЗА СКУКИ.

(Съ французскаго).

Марселя Превю.

I.

Онъ былъ мирный чиновникъ, уважаемый начальствомъ за точность и скорость. Служилъ онъ въ казначействѣ маленькаго провинціальнаго городка, въ которомъ единственнымъ оживляющимъ элементомъ былъ драгунскій полкъ. Но Филиппъ Люкасъ, старшій канцеляристъ казначейства, любилъ эти холодныя и тусклые фасады, эти залесневѣлыя улицы и вокругъ наружныхъ укрѣпленій эту необозримую, скучную равнину, гдѣ онъ родился. Онъ женился 32 лѣтъ на дочери мѣтнаго коммерсанта, довольно хорошею, быть можетъ, слыхомъ эффектной бретнѣкѣ для его умѣренныхъ вкусовъ, но кроткой и обладающей маленькимъ приданымъ. Въ теченіе шести лѣтъ онъ прожилъ съ ней въ полномъ согласіи. Онъ часто говаривалъ: „я счастливый человѣкъ“. И дѣйствительно, онъ не зналъ, чего ему еще больше желать. Онъ весь погрузился въ миръ своего очага, въ свои ежедневныя регулярныя занятія и домашній обиходъ. Пожелать ребенка, быть можетъ? Да, ребенокъ—милый собесѣдникъ, развлеченіе въ часы досуга, но что за беспокойство, когда съ заболѣетъ, или когда, поздно, обнаружатъ склонность къ лѣни и дурному поведенію!

— Право, Жюльетта, намъ лучше оставаться только вдвоемъ, не такъ-ли?

Жюльетта, съ улыбкой, въ которой Филиппъ не искалъ никакой загадки, кивала чернокудрой головкой въ знакъ согласія. И жила ихъ текла и текла въ мягкомъ однообразіи.

Однажды вечеромъ нашъ чиновникъ, возвратясь изъ казначейства, не нашелъ дома своей жемъ. Но на столѣ въ столовой лежалъ конвертъ на его имя. Раскрывъ его, онъ прочелъ:

„Другъ мой, прости, что я тебя покидаю. Надѣюсь отъ всего сердца, что это тебя не слишкомъ огорчитъ. Я люблю г. де-Жювизи, драгунскаго поручика, онъ тоже меня любитъ и подаетъ въ отставку для меня. Если ты захочешь просить развода, я приму всю вину на себя. Прощай, другъ мой, еще разъ прошу прощенья. Жюльетта.“

Р. S. Если-бы у меня былъ ребенокъ, я навѣрное не ушла-бы. Но, знаешь, мнѣ было ужъ чересчуръ скучно“.

Городокъ узналъ на другой день съ радостнымъ изумленіемъ, что поручикъ Альбертъ де-Жювизи, одинъ изъ шикарнѣйшихъ офицеровъ полка, увезъ жену чиновника казначейства. Планъ этого похищенія былъ, повидимому, ловко задуманъ, Г. де-Жювизи запасся еще накануне форменнымъ мѣсячнымъ отпускомъ.

Оба бѣглеца овладѣли на нѣсколько дней всеобщимъ вниманіемъ; объ офицерѣ разсказывались тысячи анекдотовъ, иные пошотомъ. Фотографіи виновной жены ходили по рукамъ. Женщины находили ее неважною. Мужчины съ видомъ знатоковъ говорили: „ге! ге!“ Между тѣмъ незаконная парочка такъ искусно замела свои слѣды, что невозможно было открыть ей убѣжище. Тогда городскіе язвѣки принялись упражняться на счетъ единственнаго оставшагося на виду участника драмы—мужа.

— Онъ будетъ драться...
— Онъ подастъ въ судъ...

Стали шпионить за Филиппомъ Люкасомъ, который сначала и не подозривалъ возбуждаемаго имъ любопытства. На самомъ дѣлѣ онъ не собирался ни вызвать офицера на дуэль, ни поставить на ноги полицію, ни вообще сдѣлать что-либо такое, чего-бы не дѣлалъ ежедневно уже много лѣтъ. Канцелярія не избѣжилась изъ-за того, что Жюльетта сбѣжала, а такъ какъ Жюльетта была настолько любезна, что не увезла съ собой прислуги, то прислуга продолжала свое дѣло и даже съ какимъ-то особеннымъ усердіемъ. Однако чиновникъ новсе не былъ равнодушенъ къ этому необычному происшествію. Онъ постоянно о немъ думалъ, хотя и былъ занятъ дѣломъ. Особенно его поразили мотивы, приведенныя Жюльеттой въ объясненіе своего поступка.

„Мнѣ было уже чересчуръ скучно!“

Итакъ, жизнь Жюльетты, а стало быть, и его жизнь, была скучна? Филиппъ Люкасъ сталъ терпѣливо обдумывать, взвѣшивать и въ концѣ концовъ согласился, что въ этомъ отношеніи Жюльетта была права. Смертельная скука, тяготящая надъ его жизнью съ дѣтства, сдѣлалась для него очевидной. Онъ и раньше объ этомъ догадывался; что-то неясное, неопредѣленное давило его, но онъ не обращалъ вниманія. Это было не что иное, какъ скука. Такіе люди, какъ онъ, какъ большинство товарищей его по службѣ, безсознательно живутъ среди скуки. Другіе вносятъ въ свою жизнь неожиданно, развлеченія. Таковъ Альбертъ де-Жювизи, а теперь и Жюльетта. Филиппъ Люкасъ, прозрѣвши, возненавидѣлъ мало по малу и необозримую скучную равнину, и дома съ угрюмыми фасадами, и залесневѣлыя улицы, и всю монотонную декорацию чиновничьей жизни. Ему показалось къ тому-же, что въ городѣ начали косо на него поглядывать. Находили, что этотъ оскорбленный честный человѣкъ положительно чересчуръ спокоенъ. Онъ сталъ получать анонимныя письма. На дверяхъ его шалунъ-школьники разрисовали разныя эмблемы. Онъ и съ этимъ помирался бы, и его косность, вѣроятно, восторжествовала-бы надъ окрѣпшею его злобой. Но его судьба была рѣшена помимо него. Управляющій казначействомъ призвалъ его и въ нѣсколькихъ доброжелательныхъ, но сухихъ словахъ посоветовалъ ему подать прошеніе о переводѣ на должность въ центральное управленіе, въ Парижъ.

— Я поддержу ваше прошеніе,—сказалъ начальникъ.
Филиппъ согласился.

Миссъ С.-Кларъ и миссъ Гильда Кларкъ.

имѣя, впрочемъ, больше въ виду цѣли рекламы.

Совершенно особенное мѣсто занимаетъ миллионерша миссъ Гульдъ, пожертвовавшая американскому правительству на воен-

Салютистки въ Тампѣ.

ныя нужды чекъ въ 100.000 долларовъ. Американцы затрудняются только въ вопросѣ, чѣмъ руководилась ихъ богатая

соотечественница, жертвуя такую значительную сумму,—дѣйствительной ли любовью къ отечеству, или какими-либо иными соображеніями.

Разныя разности.

Интересный знахарь.—Недавно въ Парижѣ одинъ знахарь подвергся судебному преслѣдованію за незаконное пользованіе болыныхъ. Факты казались неоспоримыми, такъ какъ полиція открыла въ la Chopelle тайную квартиру, въ которой знахарь этотъ, соблюдая величайшую тайну, противоестественнымъ образомъ призывалъ и пользовалъ болыныхъ. „Что вы можете сказать въ свою защиту?“ спросилъ преслѣдатель суда. Вѣсто всякаго отвѣта, обвиняемый предъявилъ докторскій дипломъ врача, а также квитанцію въ уплатѣ врачебнаго налога. По проверкѣ документовъ, они оказались дѣйствительно принадлежащими ему; мнимый шарлатанъ оказался настоящимъ докторомъ парижскаго медицинскаго факультета и, въ качествѣ врача, аккуратно уплачивалъ законный налогъ. Суду оставалось только оправдать его и принести ему извиненіе за неправомерность его преслѣдованія.

Однако, прежде чѣмъ отпустить его, преслѣдатель суда не могъ удержаться, чтобы не спросить у него о причинахъ его страннаго поведенія и о таинственности, которую онъ окружалъ отправленіе своей вполнѣ почетной профессіи. „Причина очень простая“, отвѣтилъ докторъ. „Днемъ въ одномъ изъ центральныхъ кварталовъ я открыто исполняю профессію врача: на двери у меня прибиты дощечка; въ квартирѣ устроенъ вполнѣ приличный приемный кабинетъ. Но пациенты туда не являются. Волле-неволе мнѣ пришлось изыскивать другія средства къ существованію. Не имѣя успѣха въ качествѣ настоящаго врача, я придумалъ разнагрывать роль врача подложнаго. Поэтому я устроилъ себѣ вторую квартиру въ прелестнѣ, гдѣ скромная приватница со всевозможными предосторожностями приводитъ ко мнѣ болыныхъ. Пациентовъ оказалось масса. Не моя вина, если народъ любитъ контрабанду и пьетъ больше довѣрія къ знахарю, чѣмъ къ врачу“.

Исчезновеніе рубля.—На представленіи одного изъ фокусниковъ въ Петербургѣ случился на-дняхъ очень интересный казусъ. Въ одномъ изъ заднихъ рядовъ партера сидѣлъ какой-то господинъ, одѣтый въ статское платье. Вдругъ онъ чувствуетъ, что къ нему въ карманъ влѣзаетъ чья-то рука. Твердо увѣренный, что изъ кармана у него вытащатъ нечего, господинъ нѣсколько минутъ сидитъ совершенно спокой-

но, а затѣмъ, машинально опустивъ руку въ карманъ, находитъ серебряный рубль. Обрадованный нежданною находкой, онъ встаетъ, отправляется въ буфетъ, выпиваетъ нѣсколько рюмокъ воды, закушиваетъ бутербродами и, уплативъ деньги, получаетъ 25 коп. сдачи. Затѣмъ онъ возвращается и спокойно усаживается на свое мѣсто. Начинается представленіе. Фокусникъ показываетъ нѣсколько довольно изобрѣтливыхъ вещей и затѣмъ беретъ въ руки серебряный рубль, дѣлаетъ нѣсколько пассовъ и бросаетъ рубль въ публику. Рубль исчезаетъ. „Итакъ, господа, рубль исчезъ и очутился у одного изъ васъ въ карманѣ. Въ данномъ случаѣ рубль находится у того господина въ статскомъ, что сидитъ въ заднихъ рядахъ“. Тогда послѣдній встаетъ съ мѣста и, обращаясь къ фокуснику, говоритъ: „Вы ошиблись, господинъ фокусникъ, рубль не у меня. Онъ ушелъ дальше, въ буфетъ, а у меня осталось только двадцать пять копѣекъ“.

Спеціальныя корабли для контрабанды недавно захвачены австрійскою пограничною стражей. Корабль этотъ Phos (1532 тонны), отправившійся изъ Гамбурга въ Мельбурнъ, захваченъ былъ при входѣ въ мельбурнскую гавань сыщиками, которые пригляди его систематически осматривали и нашли большое количество неплатежныхъ пошлиныхъ товаровъ, спрятавшихся въ разныхъ специально устроенныхъ для этого помѣщеніяхъ. Весь корабль походилъ на столъ фокусника. Всюду находились потайныя ящики, двойныя стѣны, двойное дно. Особенно искусно былъ устроенъ кабинетъ капитана Джонсона. Зеркала, шкапы, и вся мебель служили для скрываетъ въ нихъ контрабанду. Дозна-но, что капитанъ Джонсонъ лично наблюдалъ за постройкой корабля. Въ виду значительнаго количества конфискованныхъ товаровъ, правительство рѣшило удержать корабль въ качествѣ залога до уплаты крупнаго денежнаго штрафа.

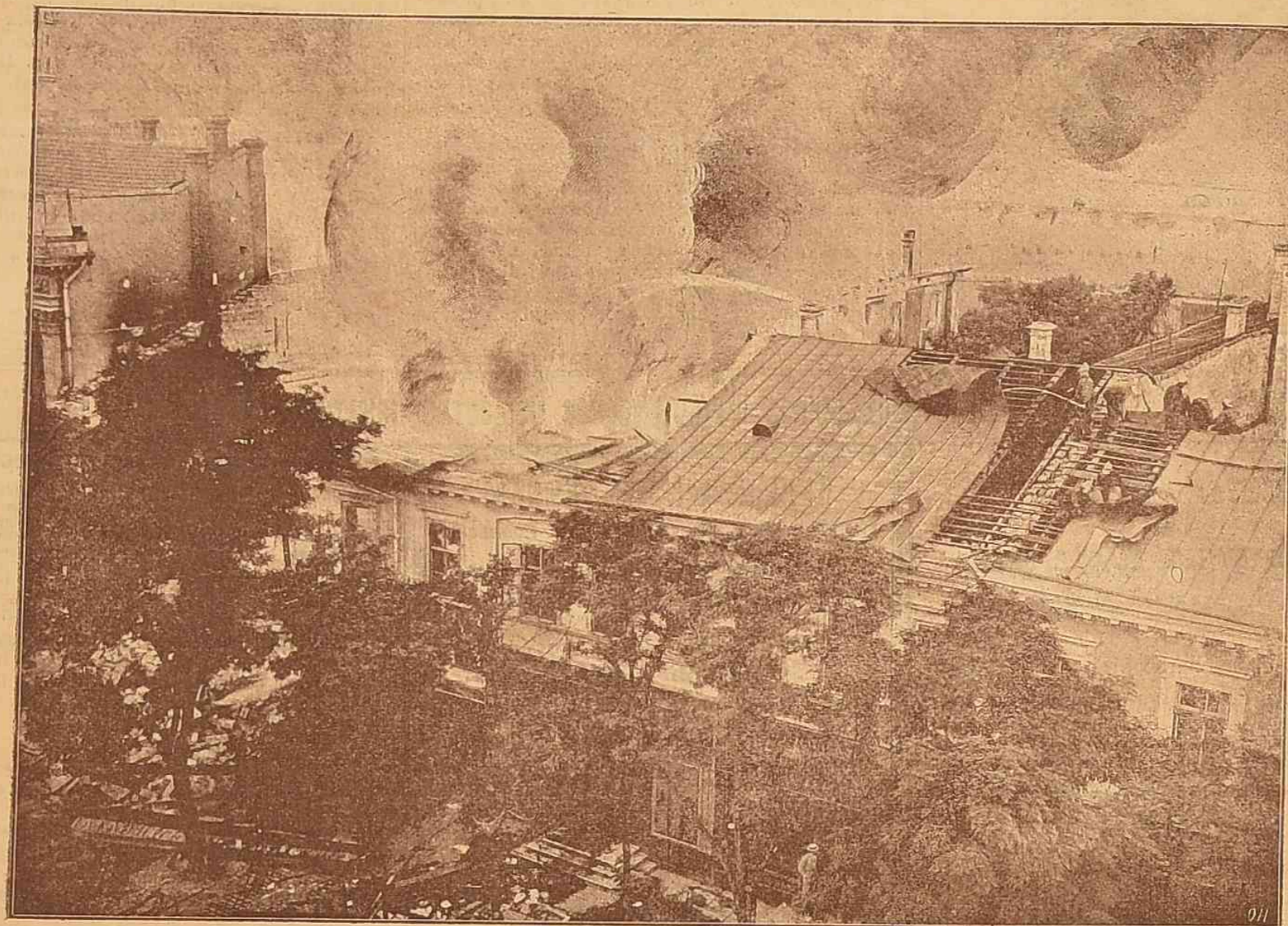
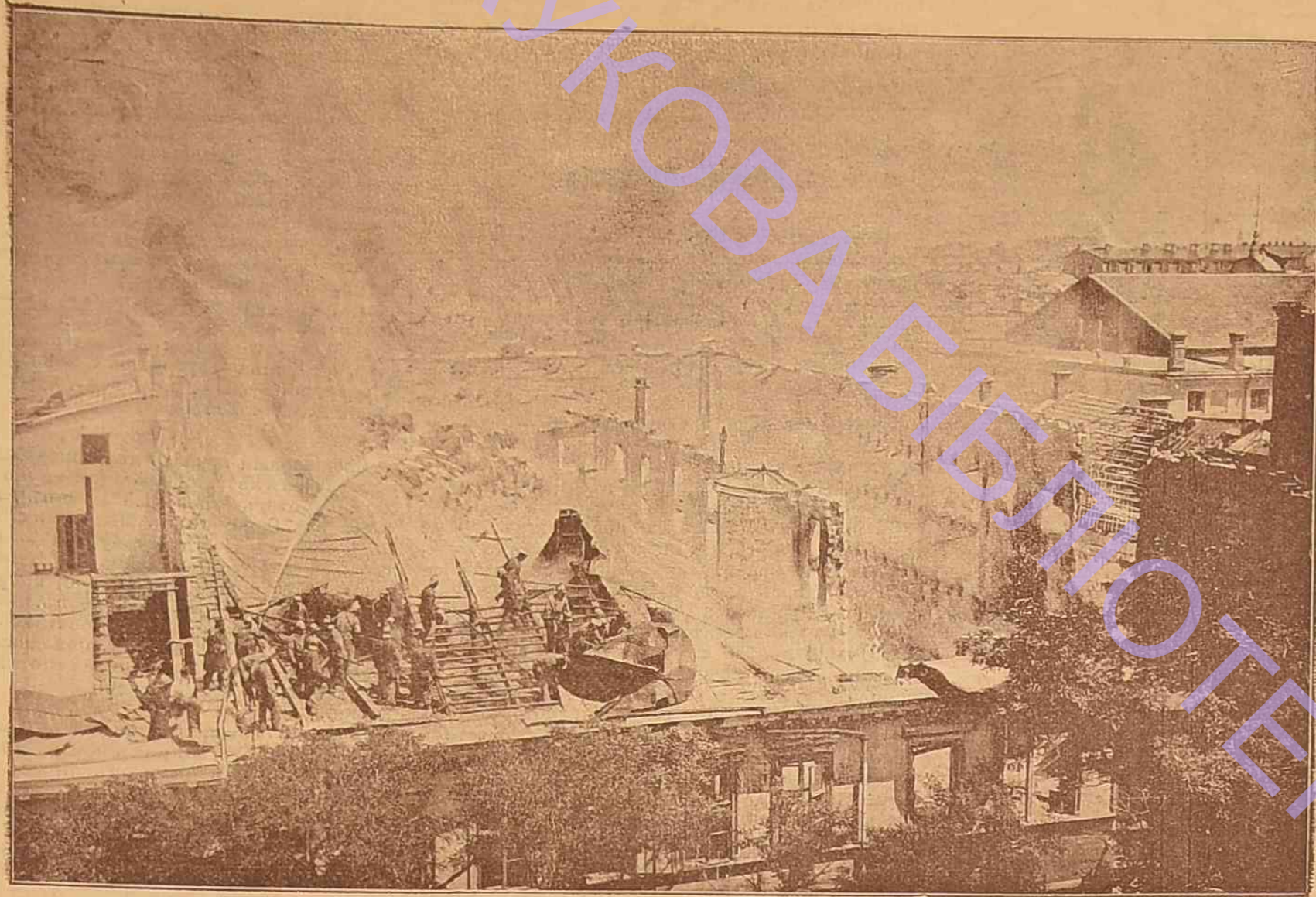
Необыкновенный спектакль. Извѣстный миллионеръ П. ф.-Д. устраиваетъ въ своемъ великолѣпномъ ризанскомъ имѣніи грандіозный спектакль, для котораго специально строится теперь театръ. Думаютъ поставить „Евгенія Онегина“. Будутъ пѣть партіи исключительно знакомые хозяина. Костюмы выписаны изъ Парижа. На спектакль приглашены многіе изъ Москвы и Петербурга.

Приготовленіе кушаній у японцевъ.—Японцы во время страннаго никогда не касаются кушаній голыми пальцами. Они употребляютъ для этого разныя палочки, ложечки и множество разныхъ орудій изъ бѣлаго дерева; вообще приготовленіе кушаній у нихъ беретъ очень много времени и на изготовленіе пѣточныхъ блюдъ требуется около 24 часовъ.

ОДЕССА ПУШКИНСКАЯ, 20. **ВЫСОЧАЙШЕ** утвержденное Южно-Русское Общество Печатнаго Дѣла. ТЕЛЕФОНЪ № 445.

<p>ТИПОГРАФІЯ, ЛИТОГРАФІЯ</p> <p>ПЕРЕЧЕТНАЯ МАСТЕРСКАЯ</p> <p>Пушкинская, № 20.</p> <p>Пріемъ всевозможныхъ заказовъ, относящихся къ графическимъ искусствамъ.</p> <p>Въ позолотной мастерской исполняются роскошные переплеты и папки для адресовъ.</p> <p>Исполненіе скорое и изящное.</p> <p>Цѣны умеренныя.</p>	<p>Книжные магазины Общества</p> <p>1) Пушкинская, 20.—2) Дериб., д. Новикова.</p> <p>Большой выборъ книгъ для дѣтей всѣхъ возрастовъ. Произведенія лучшихъ авторовъ для народнаго чтенія.</p> <p>Учебники и учебныя пособия.</p> <p>НОВЫЯ КНИГИ:</p> <p>„Терапія дѣтскаго возраста“ проф. А. Якоби. П. 2 р.</p> <p>„Справочная книга для дорожныхъ мастеровъ и проч.“ А. Бѣлзельскаго. Ц. 2 р. 25 к.</p> <p>„Первый опытъ“, повѣсть С. Ю. Ватте, ц. 75 к.</p> <p>„Наполеонъ I“, Г. Е. Аоанасова, ц. 75 к.</p> <p>„Определеніе пола потомства“ проф. Л. Шенкль, ц. 50 к.</p> <p>О самоотравленіи и самозараженіи. Публичная лекція д-ра В. М. Шапошниковъ, ц. 30 к.</p> <p>„Фридрихъ Ницше“, Алова Рила и Г. Зиммеля, пер. Южина, ц. 60 к.</p>	<p>Собственныя изданія Общества</p> <p>(Главный складъ: гор. Одесса, Пушкинская, 20).</p> <p>В. Н. Жула (автора книги: „Мать и Дитя“) РЕБЕНОКЪ Цѣна 1 руб. въ папкѣ 1 р. 20 к. въ перепл. 1 р. 50 к.</p> <p>„Библиотека Общественныхъ Знаній“ (18 выпуск.).</p> <p>„Народная Библиотека В. Н. Маранкуева“ (12 вып.).</p> <p>„Дѣтская Библиотека Н. Г. Вучетича“ (6 выпуск.).</p> <p>„Грамматика древняго церковно-славянскаго языка“ сравнительно съ русскимъ, А. П. Флерова. Удостоена большой премии Императора Петра Великаго и рекомендована Ученымъ Комитетомъ Мин. Нарол. Просвѣщенія, ц. 50 к.</p> <p>ПОЛДЕНІЯ ИЗДАНИЯ:</p> <p>Краткія біографіи русскихъ писателей, П. Ворлаповскаго, ц. 50 к.</p> <p>О Лиманотерапіи, д-ра В. В. Филиповича, ц. 1 р.</p> <p>Повторительный курсъ ботаники, проф. Гайзена, перен. М. Д. Вахтеля, ц. 1 р. 50 к.</p> <p>Вани и Ванны, В. И. Зуева, съ 65 рис. и черт., ц. 2 р.</p> <p>ПЕЧАТАЕТСЯ 2-е ИЗДАНИЕ КНИГИ ДАУДЕНА О ШЕКСПИРѢ, ПЕР. Л. Д. ЧЕРНОВОЙ.</p>
---	--	---

Склады всѣхъ сортовъ бумагъ для Типо-Литографій, Канцелярскія и Конторскія Принадлежности.

ОДЕССА.— Пожаръ на Ришельевской улицѣ въ ночь на 16 іюня 1898 г.

Съ фотографич. снимковъ г. Нааве.

Астотинія „Одес. Нов.“.

Редакторъ-издатель А. П. Старковъ.

Доволено цензурою. Одесса, 20-го іюня 1898 г.

Редакторъ Е. В. Васьковскій.

Тип. Высочайше утвержд. Южно-Русск. О-ва Печати. Дѣла (Пушкинская ул., № 20).

ОДЕССКІЯ НОВОСТИ

№ 4318.

Воскресенье, 21го Іюня 1898 г.

№ 4318.

КАНИТУЧІА.

МАТИЛЬДЫ СЕРАО.

(Окончаніе *).

Повже, лѣтомъ, Канитучіа и Чикотто оставались долше вмѣстѣ. Они съ варей

отправлялись искать зерна, фиги и скороспѣлыя яблоки, упавшія съ дерева, вследствие чего Чикотто сталъ сильнымъ, большимъ и толстымъ, тогда какъ Канитучіа оставалась худой и слабой. Иногда Чикотто слишкомъ скоро бѣжалъ для дѣвочки, а она едва плелась по сухой, растрескавшейся землѣ, ослабѣвшая подлѣ палящими лучами солнца.

„Подожди, Чикотто, подожди, мой милый“, говорила она запыхавшись. Иногда Чикотто принимался спать, а дѣвочка растягивалась на землѣ вдоль скалой полосы, закрывала глаза и чувствовала сквозь вѣки жгучее пламя солнечныхъ лучей. Она поднималась съ головокруженіемъ, съ раскраснѣвшимъ лицомъ и съ распухшимъ языкомъ. Теперь больше не было нужды въ веревкѣ, потому что Чикотто сталъ послушенъ; Канитучіа обзавелась только длинной хворостиной, чтобы выравнивать бѣгъ Чикотто и не допускать его попасть подлѣ колеса тележки, провѣжающихъ по большой дорогѣ. Они возвращались домой въ полночь. Чикотто шелъ тихоночью спереди, Канитучіа слѣдовала за нимъ съ колотьями въ желудкѣ отъ ненасытнаго голода. Разъ она попробовала было украсть вѣтку незрѣлой ря-

бины на огородѣ Николы Пассаретти, но рябина эта оказалась страшно горькой, а Никола ее отколотила, какъ маленькую воровку. Кромѣ того она еще пожаловалась на нее Паскуалинѣ Шаипа, которая въ свою очередь прибила Канитучію. Дѣвочка пошла съ Чикотто на поле въ слѣвахъ, приговаривая: „Паскуалина побил

дежь домой, и Чикотто станетъ въ стойло, и мама Паскуалина дастъ ему ужинать, а потомъ мама Паскуалина дастъ супу Канитучіи, и она его весь съѣстъ, до капельки“. А утромъ она говорила ему: „Если Чикотто не будетъ бѣгать, если онъ не будетъ отходить отъ Канитучіи, Канитучіа сведеть его на гору

„Спакката“, въ рощу донъ-Оттавіано, священника, и дастъ ему много—много яблокъ, а сама будетъ ѣсть свой хлѣбъ“. Къ осени Чикотто разжирѣлъ и сталъ довольно тяжелый. Какъ-то разъ онъ пихнулъ Канитучію головой и свалилъ ее на землю. Дѣвочка встала, отошла и бросила въ него камень. Но это была ихъ единственная ссора.

Канитучіа ѣла все меньше и меньше, а Паскуалина становилась все строже и строже съ дочерью „рыжей“. Дѣло въ томъ, что урожай вышелъ плохой, и кромѣ того цѣломудренная старая дѣва имѣла ужасное подозрѣніе, что братъ ея Кременцо завелъ любовную связь съ Розеллади Начелетто. Она придиралась ко всемъ. Въ послѣднее воскресенье донъ-Оттавіано отказалъ ей въ причастіи за многіе грѣхи ея мысленные.

Начались дожди, и каждый день Чикотто съ Канитучіей возвращались совсѣмъ мокрые. Канитучіа надѣвала красное сукно на голову,

Баронъ Владиміръ Бори вичъ Фредериксъ, министръ Императорскаго Двора, назначенный командующимъ Императорской Главной Квартирой.

Фото-циклографія „Одес. Нов.“

меня, потому что я воровка“. Чикотто встряхнулъ головой и принялся пивать траву. Отъ времени до времени, когда въ темнотѣ мозгу Канитучіи зарождалась какая-нибудь мысль, она повѣряла ее Чикотто. На пути домой она ему держала такого рода рѣчь: „Теперь мы пой-

ноза то колѣни ея оставались прикрыты одной рубашкой, и, прибитая дождемъ, она ступала по лужамъ воды и грязи и приговаривала: „Бѣжимъ скорѣе, Чикотто милый, Канитучинъ, бѣжимъ! Дождь влеть, и у меня все тѣльце мокрое. Бѣжимъ скорѣе! Дома огонь разведенъ, и мы согрѣемся!“

* См. прил. „Одес. Нов.“ № 4311.